

«Шостакович как-то сказал, что, если даже ему отрубят обе руки, он будет писать, зажав перо в зубах. Хачатурян такой решимостью не обладал. Кто его в этом укорит? Корить надо гонителей, а не жертв».

моск. невеста 2003 — 9 июня — с 31.

ю билей

Людям, знавшим его поверхностно, Арам Ильич Хачатурян представлялся человеком жизнерадостным, эпилептиком. Внешне он и был таким, но иногда прорывались у него и тоска, и печаль, и глубокое недовольство сделанным.

Казалось бы, о чем тосковать? Не только «Танец с саблями» из балета «Гаянэ», но и другие сочинения мэтра — Фортепианный и Скрипичный концерты, балет «Спартак», дивный Вальс из музыки к лермонтовскому «Маскараду» — завоевали всемирную популярность. Увенчанный множеством наград, Хачатурян разъезжал с концертами по всему свету. Был он счастлив и в семейной жизни. Но Хачатурян не мог забыть о глубоком унижении, пережитом в 1948 году. Многие ли знают, что тогда произошло? Мне-то грешным делом казалось, что память о Постановлении ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 года «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» еще не выветрилась, особенно у музыкантов. Но после того как 55-летняя годовщина этого постановления прошла нынче почти незамеченной, вижу, что без объяснения, увы, не обойтись.

Помнятая выше опера Мурадели была лишь поводом. Сталин и Жданов главный удар направили против ведущих советских композиторов того времени — Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна, Мясковского и других. На них навесили ярлык — «антинародные композиторы» — и сейчас звучащий страшновато, а уж тогда... Парадоксально, но Хачатуряну пришлось тяжелее всех, потому что он менее других был готов к случившемуся. Дело в том, что он еще в 30-е годы стал заместителем председателя Оргкомитета Союза композиторов, где дело было поставлено сравнительно либерально. С поста его изгнали, заставили каяться, послали на перевоспитание в Армению: слушать народную музыку в исполнении самодеятельных коллективов. Там, кстати, приключилась смешная история. Хачатуряну несколько раз показали — как народную — песню, которую он сам за пятнадцать лет до этого сочинил для популярного кинофильма «Тэпо»!

Тогда, однако, было не до смеха. Новая руководящая команда двинула советский музыкальный корабль на мель. По выражению самого Хачатуряна, был окончательный «утрачен аршин», вывешенные эстетические критерии: что в музыке хорошо, а что — плохо. На вершину официальной пирамиды на долгие годы возвели примитив, а к музыке более сложной относились с подозрением.

Надо осознать, что для Советского Союза это обернулось невосполнимой культурной потерей. Вместо того чтобы «подтянуть» музыкальные вкусы, народ пичкали эрзацами, а репутацию лучших советских композиторов уничтожали обвинениями в «антинародности». Я до сих пор сталкиваюсь с людьми, чье искривленное восприятие современной музыки сформировано под влиянием «антиформалистической» пропаганды 1948-го и последующих годов. Попросту говоря, у народа тогда украли духовный хлеб.

Для Хачатуряна травма эта стала особенно болезненной еще по одной причине. Хрупкий с виду Шостакович оказался изнутри стальным. Возвращаясь после чиновных поношений к себе домой, он усаживался за сочинение одного из своих величайших опусов — Первого скрипичного концерта. А Хачатурян на несколько лет сломался творчески. По сравнению с Шостаковичем он ощущал себя слабым человеком, о чем, сожалеая, говорил мне несколько раз — видно, эта мысль его мучила.

В конце концов Хачатурян нашел в себе силы написать монументального «Спартак». Но скольких замечательных произведений мы лишились! В каком неожиданном направлении могло бы пойти развитие яркого дарования Арама Ильича, если бы не катастрофа 1948 года!

Иногда можно услышать, что все-то неприятности дилились несколько лет, после чего Хачатуряна помиловали, стали вновь исполнять, награждать... Я на это отвечаю так. Вообразите, что человеку по несправедливому

Арам Хачатурян с ученицей

обрести «утраченный аршин»

Араму ХАЧАТУРЯНУ
— 100 лет

обвинению в наказание отрубили руку. А потом, отменив приговор, наградили медалью. Медаль — это, конечно, неплохо, но руки-то нет. И культя по ночам ноет нестерпимо.

Шостакович как-то сказал, что, если даже ему отрубят обе руки, он будет писать, зажав перо в зубах. Хачатурян такой решимостью не обладал. Кто его в этом укорит? Корить надо гонителей, а не жертв. Но мы в силу какого-то странного этического искривления иногда оказываемся более снисходительными именно к гонителям.

В последнее время не раз и не два я наткнулся в российской прессе на удивительные пассажи, вроде нижеследующих: «Современным детям нравятся произведения Хармса, Маршака и Сергея Михалкова...» Или: «В лучших симфониях Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна, Хренникова...» Позвольте, но в подобных, через запятую, перечислениях имеет место очевидное передергивание! На наших глазах явочным порядком пытаются воссоздать фальшивую культурную «обойму», объединяя совершенно необъединимые имена. Видно, с критериями — и эстетическими, и этическими — у нас все еще неладно.

Вообще давно пора основательно разобраться в искусстве сталинской эпохи. Мы его как-то стыдливо обходим стороной. А между тем оно до сих пор явственно присутствует в нашем повседневном существовании как некая величественная, хотя и обветшавшая сталинская высотка. В этом высотном здании есть разные этажи. На верхних — лучшие творения Платонова, Эйзенштейна, Шостаковича. Понятно, что список этот можно продолжить. И в него, без сомнения, войдут лучшие опусы Хачатуряна.

На нижних этажах располагается то, что условно можно обозначить как советский китч: произведения Михаила Герасимова, Бабаевского, Бубеннова, Павленко, Сергея Михалкова, Хренникова и т.д. И, наконец, в этом сталинском здании есть страшные подвалы, где на дверях выжжено: «1936», «1946», «1948» (перечисление тоже, разумеется, неполное). Некоторые из этих дверей до сих пор остаются

под замком — по причинам, о которых мы можем только догадываться.

Между тем исторические документы хоть и не горят, но иногда бесследно исчезают. Без планомерной и всеобъемлющей публикации этих материалов до сути сталинской культуры нам не докопаться. А это необходимо — в частности, и для того, чтобы наконец обрести тот «утраченный аршин», о котором говорил мне когда-то Арам Ильич Хачатурян.

Самого композитора и в Советском Союзе, и, как это ни странно, на Западе ассоциировали с социалистическим реализмом. Я не раз был свидетелем того, как Арам Ильич возмущался, что его притягивают к этому надуманному и фальшивому концепту. Однажды он даже яростно скомкал и швырнул газету, где что-то было на этот счет написано. Хачатурян был в музыке протонационалистом, которого можно поставить в один ряд с такими фигурами, как Вила-Лобос в Бразилии или Гершвин в Америке. Он одним из первых выразил в музыке армянское национальное чувство, сделал это ярко и в европейских формах. Ему следуют не только в Армении, не только на Кавказе, но по всему миру.

Я до конца дней буду признателен ему за поддержку, которую он оказал мне в то время, когда я собрался уезжать из Советского Союза и вокруг меня мгновенно образовалась пустота. Как-то я шел мимо Союза композиторов и, увидев Хачатуряна, обогнул его, чтобы не ставить в неловкое положение. Он окликнул меня и демонстративно держал с полчаса, разговаривая о совершеннейших пустяках. Редкий жест достойного человека, заставляющий вспомнить слова, сказанные Зощенко о драматурге Евгении Шварце: «В наше время я больше всего ценю в человеке не талант или остроумие, а когда он ведет себя прилично».

Соломон ВОЛКОВ

PS: В день рождения композитора в кинотеатре Публичной библиотеки Нью-Йорка будет показан американский документальный фильм «Хачатурян». Мировая премьера картины с исполнением его сочинений состоится осенью в Карнеги-холле. Продюсер и режиссер Питер Розен ищет российский телеканал для демонстрации фильма в России.